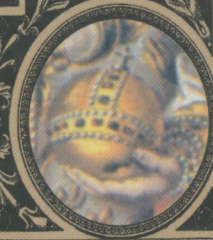
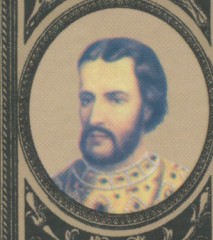

ИВАН ЗАБЕЛИН
ДОМАШНИЙ БЫТ
РУССКИХ ЦАРЕЙ
в XVI и XVII столетиях
ЧАСТЬ I

ИВАН ЗАБЕЛИН

ДОМАШНИЙ БЫТ
РУССКИХ ЦАРЕЙ

в XVI и XVII столетиях

ТОМ I

Часть I

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2000

ББК 63.3(2)4
З 12

Забелин И. Е.

З 12 **Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.**
Т. I. Ч. 1. Домашний быт русских царей в XVI и
XVII ст. – М.: Языки русской культуры, 2000. –
480 с.

ISBN 5-7859-0104-8

Книга известного историка Ивана Егоровича Забелина (1820–1908) уникальна по объему материала и занимательности изложения. Интересна как широкой публике, так и специалистам-историкам. После революции в полном виде не переиздавалась. Ко второму тому приложен большой очерк А. А. Формозова о жизни и творчестве И. Е. Забелина. **ББК 63.3(2)4**

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0104-8

9 785785 901049 >

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Издательство «Языки русской культуры» решило переиздать в трех книгах классический труд известного русского историка Ивана Егоровича Забелина (1820—1908) «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях» (т. I, ч. 1, 2 «Домашний быт русских царей» и т. II «Домашний быт русских цариц»). Труд этот — неисчерпаемый источник сведений о культуре средневековой Руси — всегда выходил отдельными книгами. Полные комплекты есть лишь в библиотеках и у немногих библиофилов. Собрать наконец воедино все три книги представляется целесообразным.

Тексты воспроизводятся репринтно по последним подготовленным самим автором изданиям: том I, часть 1 — 1918 г. (4-е изд.), том I, часть 2 — 1915 г., том II — 1901 г. (3-е изд.). Приложения к томам, «материалы», содержащие публикации документов, использованных в основном тексте, нами опущены.

В конце II тома помещена биография автора — «Иван Егорович Забелин: Очерк жизни и творчества», представляющая собой значительно расширенный вариант книги А. А. Формозова «История Москвы» И. Е. Забелина, выпущенной в 1984 г. издательством «Московский рабочий». Большой аппарат ссылок на литературу и архивные документы, опущенный в первом издании, приводится здесь полностью. Восстановлены и цензурные купюры.

ДОМАШНІЙ БЫТЬ
РУССКАГО НАРОДА

въ XVI и XVII ст.

СОЧИНЕНІЕ
ИВАНА ЗАБЪЛИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ДОПОЛНЕНИЯМИ.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ
РУССКИХ ЦАРЕЙ

въ XVI и XVII ст.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА ЗАБЪЛИНА.

ЧАСТЬ I.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ДОПОЛНЕНИЯМИ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ГЛАВА I. Государевъ дворъ или дворець. Вступленіе: значеніе имени государь въ древней Руси. Политическое развитіе этого значенія; великій государь Московскій 1—13.—Значеніе Москвы, какъ вотчиннаго города московскихъ князей 13.—Мѣсто перваго ихъ заселенія въ Москвѣ 18.—Общее понятіе о княжемъ дворѣ въ древней Руси 20.—Дворецъ первыхъ московскихъ князей 24.—Общій обзоръ древнихъ хоромныхъ построекъ 27.—Способы построекъ и плотничное дѣло 32.—Составъ деревяннаго государева дворца 37.—Дворецъ Коломенскій, какъ типъ древнихъ хоромныхъ построекъ 40.—Каменный Кремлевскій дворець и исторія его первоначальной постройки 42.—Его расположеніе въ началѣ XVI в. 47.—Исторія дворца при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и его преемникахъ 50.—Запустѣніе дворца въ Московскую Розруху 56.—Его обновленіе и новыя постройки при царѣ Михаилѣ 57.—Новыя украшенія дворца при царѣ Алексѣѣ 62.—Распространеніе и украшеніе дворца при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ и въ правленіе царицы Софьи 65.—Расположеніе дворца и его составъ въ концѣ XVII ст. 71.—Красное крыльцо и большія полаты 73.—Теремный дворець 77.—Верховые сады 97.—Башенные часы 110.—Набаты 115.—Запустѣніе и постепенное разрушеніе дворцовыхъ зданій въ XVIII ст. 115.—

ГЛАВА II. Государевъ дворъ или дворець. Внѣшній видъ дворца и наружныя украшенія зданій 133.—Рѣзное деревянное и каменное дѣло древне-русское 135.—Нѣмецкая фигурная рѣзьба, вошедшая въ употребленіе при ц. Алексѣѣ 137.—Расписываніе наружныхъ украшеній красками 139.—Иконы на дворцовыхъ воротахъ 141.—Внутренній нарядъ хоромъ: нарядъ плотничій и вообще строительный: мосты или полы, лавки, коньки и пр. 141.—Рѣзные подволоки 141.—Полы 143.—Лавки 143.—Устройство оконъ и оконницъ 144.—Оконный вдер-

ной приборъ 146.—Печи 147.—Нарядъ хоромный шатерничій, обои суконныя и другихъ матерій 148.—Золотыя и серебряныя кожи 149.—Полавочники 150.—Бумажники, тюфяки, завѣсы 151.—Особенное богатство хоромнаго наряда 152.—Полатная и хоромная живопись или стѣнное и подволочное письмо 154.—Стѣнопись Сѣней Золотой Полаты 155.—Ея значеніе 163.—Стѣнопись Золотой Полаты 167.—Стѣнопись Грановитой 178.—Золотой Царицыной 186.—Подволочное письмо столовой избы, вѣдотечное небесное движеніе и бѣги небесныя 186.—Такое же письмо вагородныхъ столовыхъ 187.—Письмо постельныхъ хоромъ 189.—Хоромное стѣнное письмо 190.—Описаніе комнатной стѣнописи въ хоромахъ царицеи 193.—Хоромное письмо въ Коломенскомъ дворцѣ 199.—Общій характеръ хоромнаго письма 201.—Царскіе мѣста или престолы 202.—Общая характеристика дворцоваго великолѣпія 210.—Меблировка хоромъ: столы 211.—Скамья, стулья, кресла 216.—Зеркала 219.—Картины живописныя 223.—Парсуны или портреты 227.—Фряжскіе листы, астампы 229.—Чертежи 231.—Часы 234.—Органы 238.—Казенки, поставцы, шафы, скриня и другая мебель 240.—Павикадила, подсвѣчники, шенданы 242.—Свѣчи 245.—Куренія 246.—Чистота 247.—Частный обзоръ комнатъ: Передняя 247.—Комната 248.—Письменный столъ 249.—Поставцы съ дорогою и затѣйливою посудою 253.—Рѣдкости и драгоцѣнности 255.—Хоромныя птицы: попугай и пр. 257.—Крестовая 259.—Молебный иконостасъ и святыня 260.—Свѣчи, налои, четки, лѣстовицы 266.—Крестовые попы и дьяки 268.—Спальня: кровати 270.—Постели 274.—Бѣлье 277.—Уборныя зеркала 280.—Гребни и гребенки 281.—Мыло, готовальни 284.—Румяна, бѣлила и пр. духи 284.—Опахала 286.—Будильники 286.—Мыленка 287.—

ГЛАВА III. *Государевъ дворъ или дворецъ.* Значеніе и честь государева двора 290.—Приѣздъ 292.—Кто пользовался свободнымъ входомъ 294.—Запрещеніе входить во дворецъ меньшимъ чиномъ 295.—Запрещеніе входить съ оружіемъ и въ болѣзняхъ 300.—Нарушеніе чести государева двора непригожимъ словомъ 301.—Караулъ 302.—Значеніе царскихъ полатъ въ отношеніи обрядовъ, приемовъ, собраній и въ домашней жизни государя 302.—Значеніе Грановитой 302.—Золотой 303.—Царицыной Золотой и Столовой 304.—Панихидной 305.—Отвѣтной 305.—Государевой Передней и Комнаты или теремнаго дворца 306.—Значеніе крылецъ 313.—Встрѣчи 314.—Дневальныя записки о погодѣ и дворцовомъ караулѣ 316.—Постельное крыльцо, какъ площадь или сборное мѣсто дворянства 320.—Дѣла о нарушеніи чести государева двора и о дворянскомъ безчестіи 321.—

ГЛАВА IV. *Обрядъ государственной жизни, комнатной и выходной.* Очеркъ комнатной жизни государя, его занятія и препровожденіе времени въ теченіи дня 384.—Утренняя молитва 384.—Приѣздъ бояръ, выходы къ обѣднѣ 386.—Дума 387.—Столовое кушанье 388.—Время послѣ обѣда, развлечения и увеселенія 390.—Богомольные выходы обыкно-

венные и праздничные въ теченіи всего года 393.—Церковныя праздни-
чества и дѣйства 397.—Новолѣтіе 397.—Пещное дѣйство 403.—
Рождество 404.—Славленіе 407.—Крещеніе 411.—Иордань 414.—
Дѣйство Страшнаго суда 417.—Прощеные дни масляницы 418.—
Первая недѣля поста 422.—Дѣйство православія 424.—Благовѣщеніе
425.—Цвѣтоносіе и шествіе на осляти 425.—Верба 427.—Прощеніе
на Страстной 437.—Святая 438.—Великоденскіе дары и приносы
443.—Троицынъ день 449.—Государево погруженіе во Иордань на
Происхожденъевъ день 450.—Успенъевъ день 451.—Крестные ходы
454.—

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Въ настоящее время излишне говорить о томъ, какое важное значеніе, при теперешнемъ направленіи историческихъ работъ, получаетъ изученіе домашняго быта, *жизня-бытя* отжившихъ поколѣній. Выводы науки, даже событія современной жизни съ каждымъ днемъ все больше раскрываютъ истину, что домашній бытъ человѣка есть среда, въ которой лежатъ зародыши и зачатки всѣхъ, такъ называемыхъ, великихъ событій его исторіи, зародыши и зачатки его развитія и всевозможныхъ явленій его жизни общественной и политической или государственной. Это въ собственномъ смыслѣ *историческая природа* человѣка, столько же сильная и столько же разнообразная въ своихъ дѣйствіяхъ и явленіяхъ, какъ и природа его физическаго существованія. Ея естественная, непосредственная сила не разъ обнаруживалась и постоянно обнаруживается во всѣхъ случаяхъ, когда думаютъ дѣйствовать на нее путемъ внѣшняго, механическаго принужденія. Государственныя и административныя реформы, политическіе опыты въ перестройкѣ народнаго быта никогда не удавались, если въ нихъ не было ничего сроднаго и соотвѣтственнаго требованіямъ и потребностямъ этой природы. Въ этомъ отношеніи мало помогали не только жестокія принудительныя мѣры, но даже и время; по крайней мѣрѣ, въ иныхъ случаяхъ цѣлыя столѣтія проходили почти безъ всякаго успѣха для настойчивости реформъ, и дѣло если и не оставалось въ прежнемъ положеніи въ силу жизненной измѣняемости, то принимало совершенно неожиданный исходъ, вовсе не отвѣчавшій предположеннымъ цѣлямъ и намѣреніямъ. Наша исторія представляетъ самое убѣдительное доказательство необыкновенной силы и живучести непосредственныхъ народныхъ элементовъ жизни и даже самыхъ формъ, въ которыхъ эти элементы выразились. Такъ, болѣе полутора ста

лѣтъ мы находимся подъ вліяніемъ непрерывныхъ реформъ; очень многими, и къ добру, мы воспользовались въ теченіи этихъ неутомимыхъ перестроекъ; многое вошло въ нашу плоть и кровь; но неизмѣримо больше остается еще въ прежнемъ положеніи, и очень часто наши мысли, поступки и дѣйствія, и внизу и вверху, обличаютъ въ насъ людей XVI и XVII ст., такъ что, если всмотрѣться и вдуматься поглубже, то нельзя будетъ отчаяваться въ сохранности нашей родной старины даже и тѣмъ мнѣніямъ, которыя убѣждены, что съ реформою Петра все старое погибло, и что поэтому развитіе наше идетъ будто бы криво.

Народная жизнь не поддается механическимъ тискамъ; она отвергаетъ все, что несродно и несвойственно ея природѣ; путь, по которому она усваиваетъ себѣ хорошее и дурное, есть путь физиологическій, а не механический. Сила народнаго быта есть сила самой природы, и чтобы съ успѣхомъ руководить ею, направлять въ ту или другую сторону ходъ ея развитія, чтобы съ успѣхомъ служить ей, какъ обыкновенно говорятъ, для ея счастья и блага, необходимо прежде хорошо и подробно узнать ея свойства, внимательно прислушаться къ ея требованіямъ, узнать непосредственные родники ея жизни, всегда глубоко скрытые въ мелочныхъ и многообразныхъ бытовыхъ условіяхъ. Конечно, удовлетворить такимъ запросамъ очень трудно и тѣмъ болѣе, что наука не слишкомъ давно обратила надлежащее вниманіе на эти запросы и не успѣла еще подготовить достаточно матеріала для ихъ разрѣшенія. Здѣсь требуются самыя мелочныя и копотливыя, въ полномъ смыслѣ микроскопическія, наблюденія и изслѣдованія, которыя въ большинствѣ случаевъ не представляютъ никакого блеска, а слѣдовательно и благодарности въ своихъ выводахъ и результатахъ. Но предметъ такъ важенъ, что за трудностію и неблагодарностію работы нельзя откладывать его разъясненія. Мы полагаемъ, что отъ его обработки вполнѣ зависитъ не только правильное пониманіе своей исторіи, но и самый способъ ея изложенія. У насъ особенно настоятельна обработка бытовой исторіи, исторіи внутренняго развитія, домашнихъ дѣлъ и отношеній народа, словомъ, исторіи народнаго житья-бытья, потому что наша исторія, по случаю слабаго, почти ничтожнаго развитія исторической личности, представляетъ самый наглядный примѣръ народнаго развитія изъ непосредственныхъ, природныхъ или, вѣрнѣе ска-

зять, первобытныхъ началъ жизни. Интересъ нашей политической исторіи слабъ и блѣденъ и потому, можетъ быть, очень часто возбуждаетъ, незаслуженные, впрочемъ, упреки и нареканія работамъ нашихъ историковъ. Какъ ни стараются въ иныхъ случаяхъ подогрѣвать его взятыми на прокатъ идеями западной исторіи, дѣло впередъ не подвигается и распространяетъ только въ обществѣ ложныя и обманчивыя понятія и представленія о нашей древности.

Интересъ нашей исторіи заключается по преимуществу, какъ мы сказали, въ непосредственномъ фізіологическомъ ростѣ нашей цивилизаціи, въ отсутствіи именно тѣхъ элементовъ, которые двигали развитіе на западѣ, и въ присутствіи такихъ, которые сближаютъ насъ больше съ востокомъ, т.-е. вообще съ народами, не касавшимися въ своемъ развитіи того богатаго наслѣдства древней образованности, какимъ воспользовались народы западные. Мы не получили этого наслѣдства, не попали въ эту цивилизующую школу вѣками выработанныхъ началъ и умственного и общественного развитія. Мы, напротивъ, очень долго росли, какъ цвѣтъ сельный, на степной волѣ, оставленные самимъ себѣ, какъ тотъ любимый герой нашихъ сказокъ, ободенный, загнанный братьями, обдѣленный отцовскимъ наслѣдствомъ, въ лицѣ котораго народъ инстинктивно рисуетъ собственную долю. Собственными силами и разумомъ самой жизни, медленно и тяжело, мы созидали свою самостоятельность. Намъ отказала въ помощи даже сама природа, и въ то время, какъ европейскіе народы, двигаясь поступательно къ западу, всюду встрѣчали не только богатство естественныхъ условій, но даже, какъ, напр., среди племенъ Америки, значительную долю гражданскаго развитія,—мы, принужденные двигаться по глубокому сѣверу на востокъ, встрѣчали на пути тѣ же непроходимыя лѣса, неоглядныя тундры и степи и скудные начатки цивилизаціи, передъ которыми первенствовало даже наше слишкомъ молодое еще развитіе. Сколько же внутренней силы и жизненности народнаго духа нужно было для того, чтобы выйти непобѣжденнымъ изъ такихъ враждебныхъ условій жизни, чтобы наконецъ стать твердо и мужественно среди народовъ, болѣе счастливыхъ и несравненно болѣе богатыхъ и дарами естественныхъ условій и дарами человѣческаго развитія. Въ этой-то силѣ и жизненности и заключается смыслъ нашей исторіи. Но раскрыть этотъ смыслъ одною политическою стороною нашего

прошедшаго невозможно, ибо, кромѣ того, что это все-таки одна только сторона, у насъ вдобавокъ она еще сторона слишкомъ блѣдная. Для подробнаго уясненія и сознательнаго пониманія своей исторической доли, намъ необходимо съ особеннымъ вниманіемъ углубиться въ изученіе внутренняго народнаго развитія, которое въ своихъ послѣдовательныхъ ступеняхъ представить несравненно больше интереса и несравненно правдивѣе расскажетъ намъ нашу родную быль.

Само собою разумѣется, что въ исторіи внутренняго развитія домашній бытъ народа составляетъ основной узелъ; по крайней мѣрѣ, въ его уставахъ, порядкахъ, въ его нравственныхъ началахъ кроются основы всего общественнаго строя земли, не исключая и политической формы. Въ его средѣ воспитывается каждый дѣятель земли и мало-по-малу созидаются тѣ силы, которыя потомъ управляютъ ходомъ исторіи. Поэтому домашній народный бытъ становится ближайшимъ предметомъ въ изученіи бытовой исторіи и по необходимости занимаетъ въ ней начальное мѣсто.

Какой же наиболѣе вѣрный способъ обрабатывать исторію домашняго народнаго быта? Предметъ до чрезвычайности обширенъ, разнообразенъ, мелоченъ и дробенъ. Требуется особенное вниманіе и страшно копотливая работа только для того, чтобы собрать въ одно мѣсто необходимый матеріалъ... Но еще труднѣе дать этому матеріалу научную форму, по крайней мѣрѣ, на столько, чтобы облегчить послѣдующія работы, т.-е. разобрать, распределить этотъ матеріалъ, связать въ одно научное цѣлое, чтобы самъ онъ, помимо нашихъ указаній и толкованій, выговорилъ заключительное слово, т.-е. научный выводъ, результатъ изслѣдованія.

Все это представляетъ неимоверныя трудности особенно по той причинѣ, что какъ не велико множество матеріаловъ этого рода, оно все-таки отличается замѣчательною неполнотою. Вы ежеминутно встрѣчаете пробѣлы, самые мелочные, но, однакожь, такіе, которые затрудняютъ дѣло до невѣроятности. Добросовѣстное отношеніе къ фактамъ не позволяетъ вамъ двинуться съ мѣста по случаю такихъ пробѣловъ, и работа при всемъ вашемъ усиліи не достигаетъ этого желаннаго заключительнаго слова.

Обыкновенный способъ обработки бытовой исторіи заключается въ томъ, что разновременные, разномѣстные и разносо-

словные бытовые факты сводятъ подъ извѣстное оглавленіе и такимъ образомъ составляютъ рассказъ о той или другой сторонѣ быта, о томъ или другомъ порядкѣ жизни. При первоначальныхъ работахъ такой способъ почти миновать нельзя. Но должно сознаться, что онъ грѣшитъ излишнимъ обобщеніемъ фактовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ или долженъ представлять какъ бы общую черту, не выясняя, однакожъ, того или другого общаго типа жизни, а рисуя только вообще жизнь народа въ извѣстный періодъ времени, иногда очень значительнаго объема.

Намъ кажется, что этимъ способомъ мы едва ли получимъ надлежащее, истинное понятіе о свойствахъ и типическомъ характерѣ прожитой жизни, что изслѣдованія наши мы начинаемъ съ конца, а не съ начала, ибо составляемъ характеристику общаго типа въ то время, когда намъ вовсе неизвѣстны типы частные, къ которымъ всегда относится самая наибольшая часть собираемыхъ нами фактовъ, и *общее* которыхъ, одно оно, только и можетъ характеризовать общій типъ народной жизни. Поэтому, намъ кажется, мы должны остановить свое вниманіе прежде всего на изученіи этихъ частныхъ типовъ, мы должны непременно раскрыть ихъ, если бы и не были они замѣтны на первый поверхностный взглядъ, ибо жизнь, какъ ни разнообразна до безчисленности ея формы и явленія, и въ физическомъ и въ нравственномъ мірѣ, всегда складывается или выражаетъ себя въ извѣстныхъ типахъ. Въ естествознаніи это роды и виды органической жизни. Подобные роды и виды существуютъ въ нравственномъ человеческомъ мірѣ подъ именемъ типовъ. Задача искусства въ томъ именно и заключается, чтобы пластически выразить въ одномъ типѣ все то, что разбросанное и какъ бы разрозненное вращается въ жизни отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ, однакожъ, по свойству своей нравственной природы, къ одному и тому же роду или виду. Наука съ своей стороны помогаетъ искусству и собираетъ матеріалъ для художественнаго воплощенія въ одно цѣлое разрозненныхъ и повидимому чуждыхъ другъ другу атомовъ нравственной жизни. Въ этомъ случаѣ необходимо совершается естественный процессъ чело-вѣческаго творчества: возводитъ знаніе въ актъ сознанія, къ чему ведетъ и конечная цѣль самой исторіи.

Обращаясь къ нашему предмету, мы, даже и на первый взглядъ, можемъ указать нѣсколько точекъ, около которыхъ

по преимуществу должно бы сосредоточиваться изученіе домашняго пароднаго быта, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ времени, назначенныхъ для подлежащихъ разысканій. Такъ, наиболѣе замѣтный, передовой типъ нашей исторіи есть «*государь* или *господарь*», не въ тѣсномъ смыслѣ государя политическаго, а въ смыслѣ общемъ, какъ собственника и владѣльца, хозяина, который и въ общей жизни именовался тѣмъ же словомъ и впоследствии уже выдѣлилъ изъ себя политическое явленіе, о чемъ мы подробнѣе говоримъ во вступленіи къ этой книгѣ. Не смотря на огромную, повидимому, разницу между политическимъ значеніемъ этого типа и частнымъ домашнимъ его значеніемъ, въ немъ всегда остается и вездѣ сохраняется существенный смыслъ его жизненной роли, этотъ владѣющій, властный смыслъ. Само собой разумѣется, что преобладающее значеніе этого типа въ жизни всегда остается за тѣмъ разрядомъ лицъ, который въ первобытномъ обществѣ играетъ главную, передовую роль, именно за разрядомъ лицъ военнаго званія или сословія, какова, напр., въ нашей исторіи была княжеская дружина. Такимъ образомъ типъ господаря, кромѣ его общаго владѣльческаго и такъ сказать хозяйскаго значенія, съ теченіемъ времени сосредоточиваетъ свои основныя черты не на однихъ только лицахъ княжескаго происхожденія, но столько же на сословіи дружинниковъ-бояръ съ дробнымъ его видоизмѣненіемъ дѣтей боярскихъ и вообще такъ называемаго дворянства. Это была среда, въ которой элементы государскаго типа составляли существенное ея свойство. Здѣсь форма быта, а слѣд. и его начала, основы были во всѣхъ видоизмѣненіяхъ одни и тѣ же. Поэтому и изученіе этого типа должно обнимать жизнь боярства или дворянства вообще со всѣми его служебными подраздѣленіями и жизненными видоизмѣненіями. Можно только для удобства въ обработкѣ предмета, а главное, для большей опредѣленности изслѣдованій, разсматривать этотъ типъ въ трехъ его главныхъ и общихъ видахъ, именно: быть лучшихъ людей, быть среднихъ людей и быть младшихъ людей того же типа, какъ всегда очень вѣрно распредѣляли бытовыя отношенія наши здравомыслящіе предки. Въ древнемъ домашнемъ бытѣ царей мы раскрываемъ верховное значеніе этого типа и потомъ постепенно придемъ къ младшей его вѣтви къ дѣтямъ боярскимъ, этой рядовой княжеской дружинѣ.

Тѣмъ же путемъ можно изучать типъ «земца—кормителя»

во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, какія условливались тою или другою отраслю занятій, и точно также съ раздѣленіемъ быта на лучшую, среднюю и младшую среду. Земледѣліе, торговля, разнаго рода промышленность, ремесленность и всякое художество, которое доставляло средства существованія земскимъ людямъ и въ то же время опредѣляло характеристику самого человѣка и его бытовыхъ отношеній, представляютъ болѣе или менѣе значительныя варіаціи одного и того же земскаго быта или вообще земства. Здѣсь наиболѣе виднымъ лицомъ становится по естественной причинѣ капиталистъ—гость, этотъ господарь-хозяинъ въ собственномъ смыслѣ. Младшія вѣтви этого типа теряются въ посадскихъ и чернослободскихъ «сиротахъ», которымъ трудолюбіе, оборотливость, «промысль»—въ смыслѣ дарованій ума и опытности—всегда открывали широкую и свободную дорогу въ первые ряды земства.

Далѣе, «казачество» есть также совсѣмъ особый порядокъ отношеній, особая стихія жизни, требующая, какъ особый ея типъ, отдѣльнаго независимаго изслѣдованія. Не ограничивая его значенія одною какою-либо мѣстностью или историческимъ періодомъ, необходимо разсмотрѣть существенныя стороны этого типа въ общемъ его явленіи. Казачество—сначала, какъ отрицаніе земскихъ условій жизни, а потомъ какъ своеобразно сложившееся земство,—въ нашей исторіи имѣетъ особенное значеніе. Жизненная сила его была такъ велика, что оно сплотилось было въ политическій типъ, постепенное разложеніе котораго и окончательное исчезновеніе совершилось не столько отъ обстоятельствъ, неблагопріятствовавшихъ его развитію, сколько вообще отъ направленія общеисторическихъ идей времени.

Вотъ общіе, главнѣйшіе раздѣлы изученія домашняго народнаго быта. Мы не упоминаемъ о посредствующихъ звеньяхъ болѣе или менѣе также замѣчательныхъ, хотя и не имѣющихъ такого широкаго значенія. Типъ церковника, типъ дьяка и подъячяго, типъ двороваго слуги, холопа вообще и т. д. должны сопровождаться не меньшимъ вниманіемъ въ изученіи положеній, силъ и формъ древней жизни. При этомъ, такъ сказать, внѣшаемъ распредѣленіи типовъ, нельзя забывать внутренней ихъ связи, которая по законамъ жизни сливается ихъ въ одно цѣлое, ставить ихъ въ неразрывную зависимость другъ отъ друга, такъ что раздѣльное ихъ изученіе есть только неизбѣжный путь научныхъ изслѣдованій.

Когда такимъ способомъ обработки будутъ раскрыты частныя типы, то общій типъ народной жизни не замедлитъ раскрыться самъ собою, и только тогда будутъ возможны полныя и вѣрныя характеристики не только частныхъ, но и общественныхъ формъ народнаго быта.

Само собою разумѣется, что такой планъ изученія требуетъ самой мелочной копотливой работы и совершенно новыхъ матеріаловъ, о существованіи которыхъ мало даже подозрѣваютъ, но которые, какъ всегда, непременно явятся изъ архивной пыли на свѣтъ, какъ скоро наука займется разрѣшеніемъ возбуденныхъ ею вопросовъ.

Въ настоящемъ сочиненіи о древнемъ домашнемъ бытѣ царей мы предлагаемъ опытъ подобной обработки предмета, далеко не удовлетворяющій всѣмъ нашимъ требованіямъ и въ существенномъ значеніи представляющій только собраніе матеріаловъ, частію обработанныхъ больше или меньше, а частію даже въ сыромъ видѣ. На первый разъ, думаемъ, и это не бесполезно. Мы вообще утѣшаемся тою мыслию, что во всякомъ случаѣ трудъ нашъ значительно облегчитъ дальнѣйшую разработку предмета. Мы давно уже обратили вниманіе на это дѣло, но по обстоятельствамъ не могли посвятить достаточно времени и труда, чтобы повести работы съ желаемымъ успѣхомъ. Первые опыты мы почтали въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1846—1847 г., затѣмъ продолжали труды въ Отечественныхъ Запискахъ 1851—1858 г. Издавая послѣ того въ 1862 и въ 1872 г. особою книгой прежнія наши работы, мы мѣстами значительно увеличили ихъ объемъ новыми матеріалами и разысканіями, инныя страницы совсѣмъ передѣляли, исправили ошибки и неточности, какія встрѣчались, и въ дополненіе присовокупили отдѣлъ матеріаловъ въ сыромъ видѣ, заключающій въ себѣ собраніе оффиціальныя записокъ и выписокъ изъ расходныхъ, строильныхъ, подрядныхъ, описныхъ и разныхъ другихъ книгъ и документовъ стараго дворцоваго дѣлопроизводства, которое и составляетъ главнѣйшій источникъ нашихъ работъ и остатки котораго, въ столбцахъ и книгахъ, сохраняются въ бывшихъ архивахъ Оружейной Палаты и Московской Дворцовой Конторы. Все это служить подтвержденіемъ или поясненіемъ нашихъ разысканій, а во многихъ случаяхъ значительно дополняетъ ихъ, представляя новыя подробности, которыми мы не успѣли во-время воспользоваться. Читая вообще мало довѣря къ голословнымъ расказа-

замъ и описаніямъ, мы старались каждый мелочной предметъ стараго быта объяснить и подтвердить современнымъ ему текстомъ.

Большая часть собранныхъ въ этой книгѣ матеріаловъ касается способовъ постройки, указанія мѣстности разныхъ частей стараго государева дворца и разнообразныхъ предметовъ внутренняго убранства или наряда старинныхъ царскихъ хоромъ. Особеннаго любопытства заслуживаютъ описи старинныхъ дворцовъ и записки подрядовъ на постройки, въ которыхъ мы знакомимся съ богатствомъ старинныхъ строительныхъ или плотничьихъ и разныхъ ремесленныхъ терминовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ подробностями устройства и расположенія древнихъ русскихъ жилищъ. Описание Коломенскаго дворца съ прилагаемыми планами и фасадами и вмѣстѣ съ описаніемъ дворца Измайловскаго даетъ довольно полное и отчетливое понятіе объ устройствѣ такого жилища въ самомъ обширномъ и наиболѣе роскошномъ видѣ, жилища царскаго. Для сравненія и въ подтвержденіе нашихъ замѣчаній по этому предмету мы помѣщаемъ, рядомъ съ этими описаніями, описи нѣсколькихъ боярскихъ и помѣщичьихъ хоромъ, которыя по времени хотя и относятся къ началу XVIII ст., но тѣмъ не менѣе во многомъ сохраняютъ еще допетровскую старину. Съ тою же цѣлю къ фасадамъ Коломенскаго дворца мы присоединяемъ фасадъ старинныхъ Строгановскихъ хоромъ, существовавшихъ въ Сольвычегодскѣ и разобранныхъ въ 1798 году. По свидѣтельству надписи на оригинальномъ рисункѣ, который сообщенъ намъ графомъ С. Г. Строгановымъ, хоромы Строгановыхъ стояли 233 года и были построены въ 1563 году. Хотя и нельзя принимать этого фамильнаго преданія въ точномъ смыслѣ, ибо въ этомъ случаѣ годъ постройки долженъ обозначать собственно время первоначальной селитьбы Строгановыхъ на томъ мѣстѣ, но все-таки это памятникъ той же старины, о которой мы ведемъ наши разысканія. Онъ очень любопытенъ, и мы имъ особенно дорожимъ въ томъ отношеніи, что это, сколько извѣстно, почти единственный свидѣтель, наглядно изображающій намъ наиболѣе отдаленную старину русской частной жизни и разрѣшающій нѣкоторыя наши недоумѣнія о составѣ и архитектурной формѣ древнихъ хоромныхъ построекъ.

Мелкія выписки, собранныя нами въ отдѣлѣ матеріаловъ, могутъ, пожалуй, показаться иному читателю чрезчуръ мелоч-

ными и во многих случаях бесполезными; по крайней мѣрѣ, существуетъ еще, даже въ самой наукѣ, мнѣніе, не дающее почти никакой цѣны такому роду матеріаловъ. Мы спорить не станемъ и замѣтимъ только, что, по нашему мнѣнію, въ мелочахъ яснѣе и полнѣе раскрываются свойства каждаго предмета, а тѣмъ болѣе, если дѣло идетъ о характеристикѣ человѣческаго быта, о характеристикѣ нравовъ, обычаевъ, домашнихъ положеній и условій жизни. Какъ въ настоящемъ сочиненіи, такъ и въ послѣдующихъ работахъ о домашнемъ народномъ бытѣ, мы постоянно будемъ особенно дорожить подобными мелочами, съ тою цѣлю, чтобы собраніемъ этихъ мелочей въ одно мѣсто подготовить необходимый матеріалъ для изслѣдованій по этому предмету, вообще подготовить научныя средства и тѣмъ самымъ доставить болѣе прочную возможность возстановить исторію стараго быта во всѣхъ подробностяхъ, съ самою документальною точностію. Руководясь такою мыслию, можетъ-быть, въ иныхъ случаяхъ, мы и дѣйствительно погрѣшили излишествомъ и даже повтореніемъ нѣкоторыхъ данныхъ; но въ начальной обработкѣ предмета мы и это считаемъ необходимымъ, ибо для того, чтобы наука могла утвердить окончательно какой-либо выводъ, нужно много и долго вникать въ подробности, хотя бы и слишкомъ однообразныя и однородныя. Кромѣ того мы убѣждены, что мелкія мелочи старой жизни кладутъ краски и тѣни въ нашихъ представленіяхъ объ историческомъ бытѣ народа, образуютъ, если можно сказать, колоритъ въ исторической картинѣ; и во всякомъ случаѣ ничто такъ не способствуетъ образованію наиболѣе вѣрнаго, правильнаго взгляда на прошедшее, какъ эти мелочи, которыя иногда одною чертою рассказываютъ несравненно больше, чѣмъ цѣлое изслѣдованіе. Мы надѣемся, что и въ нашей книгѣ читатель гораздо больше прочтетъ и жду строками, какъ это всегда бываетъ при чтеніи сборника бытовыхъ фактовъ.

Особенная наша забота заключалась даже въ томъ, чтобы собираемые матеріалы переданы были вѣрно и точно съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей подлинника, заслуживающихъ вниманіе науки. Мы сокращали только излишнія подробности титуловъ и разныхъ приказныхъ формальностей.

Дробность и разнообразіе предметовъ, входящихъ въ описаніе древняго быта, заставляетъ насъ присовокупить къ настоящему труду подробный объяснительный указатель или сло-

варь, который и будетъ изданъ въ заключеніе этихъ разысканій о древнемъ домашнемъ бытѣ царей.

При настоящемъ, третьемъ изданіи этой книги мы слѣдовали той же общей задачѣ нашего труда, о которой сейчасъ было говорено и которая, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, чтобы каждому, даже и очень мелочному предмету стараго быта, особенно со стороны внѣшней обстановки, дать самый подробный и слѣдовательно наиболѣе полный обликъ, въ какомъ такой предметъ существовалъ въ извѣстное время.

Мы убѣждены, что изученіе матеріальной стороны древняго быта всегда даетъ прочныя и вѣрныя основы для уразумѣнія и самыхъ его идей и идеаловъ; что и художественное его воспроизведеніе—вѣнецъ всякихъ изученій—на страницахъ ли ученой исторіи или въ свободной области поэтическаго творчества (во всѣхъ родахъ искусства, словеснаго и изобразительнаго) всегда будетъ очень зависѣть именно отъ того, насколько полно объяснены его матеріальныя подробности. Для художника, какъ скоро его творчество останавливается на предметахъ жизни, отошедшей въ область исторіи, очень важно знать всякую мелочь въ точной реальности. Здѣсь-то онъ и встрѣчаетъ по большей части неодолимыя затрудненія, особенно со стороны всякихъ формъ. Художнику бываетъ очень надобно иной разъ подробно и точно знать даже и о томъ, какимъ, на примѣръ, гвоздемъ была обита старинная мебель и т. п.; также какъ для ученаго бываетъ столько же необходимо знакомство со всякою даже и очень мелкою цифрою которая учитываетъ старыя положенія жизни.

Имѣя въ виду подобныя потребности художническихъ и научныхъ изысканій о старой жизни, мы желали возможно болѣе пополнять каждое изданіе подлежащей книги. Съ этою цѣлью въ отдѣлъ Матеріаловъ во второмъ изданіи внесено описаніе царскаго Измайловскаго Дворца 1687 г. со всѣмъ его хозяйствомъ, извлеченное изъ двухъ современныхъ рукописей, принадлежащихъ бібліотекѣ Имп. Моск. Общества Сельскаго Хозяйства, пользоваться которыми была доставлена намъ полная возможность покойнымъ И. И. Масловымъ. Современное же описаніе дома кн. В. В. Голицына и зимоваго патриаршаго двора въ Астрахани, какъ и другія дополнителныя свѣдѣнія,

извлечены изъ книгъ и столбцовъ Моск. Архива Министерства Юстиціи. Въ настоящемъ изданіи къ дѣламъ о нарушеніи чести Государева двора мы присовокупили новое дѣло этого рода (стр. 357)¹⁾, любезно сообщенное намъ А. Н. Зерцаловымъ, архивариусомъ упомянутаго Архива.

Въ настоящемъ изданіи мы значительно дополнили описаніе стѣнописи въ Золотой и Грановитой Полатахъ (стр. 151—178)¹⁾ на основаніи современной ея описи, напечатанной въ собранныхъ и изданныхъ нами по порученію Московской Городской Думы «Матеріалахъ для Исторіи, Археологіи и Статистики Города Москвы» (часть I, М. 1884 г.); дополнили также и отдѣлъ Матеріаловъ различнаго рода записямъ о предметахъ устройства царскаго Дворца и царскаго обихода.

Новые рисунки Коломенскаго Дворца и планъ стараго Кремлевскаго Дворца сняты съ оригиналовъ, принадлежащихъ коллекціямъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея.

Болѣе подробныя объясненія плана Кремлевскаго Дворца съ приложеніемъ плановъ верхняго и нижняго его этажей будутъ помѣщены во второй части этого сочиненія²⁾.

¹⁾ Пагинаціи страницъ соотвѣтствуетъ третьему изданію этой книги. Ред.

²⁾ Планы верхняго и нижняго этажей приложены ко 2 ч. этого сочиненія (М. 1915 г.). Ред.